

Из огромного количества писем, которые я получил за прошедшие десять лет в ответ на мои выступления о Шаляпине, процитирую лишь два. Эти эпистолярные отклики на мой пятисерийный публицистический музыкальный радиосериал о Шаляпине интересны и характерны по трем «параметрам»: оба письма — семейные, оба написаны почти в один и тот же день, наконец, абсолютно полныры по содержанию.

Семья Растороповых из Ростова-на-Дону, ул. Чехова, д. 127, кв. 23: «Не может Россия считать Шаляпина эмигрантом, нет и тысячи раз нет! Отъезд Федора Ивановича был вынужденной акцией и очень больно ударил по нему. Но и за пределами Родины Шаляпин принес свое незапятнанную, кристально чистую сыновнюю любовь к матушке России!» (11 сентября 1990 г.)

Семья Хороших из Краснодара, ул. К. Либкнехта, д. 133/1, кв. 29: «Мы чтим голос непревзойденного певца Шаляпина... Но простить ему измену русскому народу и своей Родине не можем. И тут уж ничего не поделаешь! Какая же государственная политика ни существовала, а из души презрение к измене родному Отечеству не вытравить». (9 сентября 1990 г.)

Если бы авторы второго письма выступали как злобные, безнадельные на духовное выживание клеветники, можно бы махнуть рукой и забыть о них. Но, судя по его тону, семья Хороших состоит из обыкновенных, нормальных, хороших, не обремененных на весь мир людей. Поэтому их письмо — сигнал непреходящей тревоги для меня и свидетельство неведения очень многих россиян, незнания ими Шаляпина-человека, его судьбы после 1917-го.

Предлагаю читателю фрагменты из сценария о Шаляпине, напомним: через семь месяцев, 14 февраля 1993 г., наступит 120-я годовщина со дня рождения одного из величайших и славнейших сынов России, который с полным правом мог сказать: «Мое имя в искусстве заработано мною потом и кровью и всевозможными лишениями. Имя мое не раз прославляло мою Родину далеко за пределами ее, можно сказать, всемирно».

Итак, фрагменты из сценария «За время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране». (Из письма А. М. Горького в 1922 г. из-за границы Алексею Рыкову, заместителю Ульянова-Ленина как председателя Совнаркома).

...Петроград, 1922 год, 29 июня, четверг. В Большом зале филармонии Федор Шаляпин дает бесплатный концерт для питерских рабочих. В программе — его любимые арии, романсы, русские народные песни. И какая-то особая, щемлящая боль чувствовалась на сей раз в голосе великого артиста, когда он запел романс Малашикина «О, если б мог выразить в звуке».

...Вечер того же 29 июня. Набережная лейтенанта Шмидта в Петрограде. С Финского залива таянутся тучи, накрапывает дождь. Люди, не замечая его, стоят стеной на пристани. С борта отчаливающего парохода «Оберьюргермайстер Хаккен» Федор Шаляпин в белом костюме, без шляпы машет платком толпищимся внизу на пристани людям. Многие из них плачут. Слезы и на глазах Шаляпина... Потом он долго стоит на корме уходящего в балтийские дали корабля.

И никто, даже сам Федор Иванович, не знал тогда, что он расстанется с Родиной навсегда. Как же получилось, что Россия потеряла своего гениального сына, вышедшего из самых «донных» низов народа и поднявшегося на высочайшие вершины мирового искусства, мировой культуры?

На первом году советской власти он пишет из Петрограда в Москву дочери Ирине: «Вообще жизнь очень тяжелая, но я не унываю. Революция — революция и есть! Конечно, есть масса невежества, но идеи мне кажутся светлыми и прекрасными, и если их будут со временем осуществлять хорошим, здоровым способом, то можно думать, что все человечество заживет когда-нибудь действительно прекрасной жизнью».

Что же делал Шаляпин после выстрела «Авроры» по Зимнему дворцу 25 октября 1917-го, превращавшего спектакль в Марининском театре, где давали «Дон Карлос» Верди и где Шаляпин пел, как обычно, главную партию — короля Филиппа? Федор Иванович не прекратил свою работу. Он выступает на оперной сцене во многих своих «коронных», принесших ему мировую славу ролях — в операх «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Русалка», «Фауст», «Севильский цирюльник» и других. За месяц, с 25 октября по 25 ноября, 10 спектаклей! Но Шаляпин не замыкается стенами театрального зала — он идет напрямую к народу, дает многочисленные концерты. Попробуйте представить себе громадный Морской манеж в Кронштадте, где 12 тысяч матросов и солдат с винтовками в руках как заворованные слушают Шаляпина, исполняющего «Прокляк» Римского-Корсакова...

Кстати, весь сбор с этого концерта в сумме десяти с лишним тысяч рублей Шаляпин отдал на нужды жителей Кронштадта. Я особенно адресую этот, первый, и последующие приводимые мною факты тем многочисленным россиянам, кто волюн или неволю десятки лет слепо верит гнусной клевете о каком-то «стяжательстве» Шаляпина: зафиксировав накрепко в памяти своей хотя бы некоторые благотворительные дела Федора Шаляпина — привожу для начала сводный документ о его денежных пожертвованиях только за два года, с октября 1917-го по конец 1919-го:

На нужды жителей Кронштадта (всего)	20 тысяч руб.
На бесплатную столовую для рабочих в Орехово-Зуеве	20 тысяч руб.
На бедствовавших детей Москвы	20 тысяч руб.
Для детей бедняков Петрограда	20 тысяч руб.
На содержание престарелых артистов	60 тысяч руб.
Красному Кресту, Народному университету в Петрограде, на помощь техника и рабочим питерских театров	140 тысяч руб.

Итого, лишь за два года Шаляпин отдал из личных средств на благотворительные цели 280 тысяч руб. Имеющий уши — да слышит: в это время у Шаляпина была своя большая семья — 10 детей и 6 пожилых людей, для которых он был единственным кормильцем. Заметьте: Шаляпин не получал от советской власти никаких премий, тем более денежных — их тогда не было в природе.

Добавлю несколько фактов помощи Шаляпина голодавшим россиянам. Еще в 1911 году он пожертвовал в их фонд 16500 рублей. 6 августа 1921 г. в газете «Известия ВЦИК» появился призыв Шаляпина «помочь голодающим кто чем может». Через четыре дня он выехал на заграничные гастроли — и все заработанные деньги за концерты в Латвии и Англии передал на закупку хлеба страдавшим от голода. Вернувшись с загрангастролей, Федор Иванович сразу же включился в четыре концерта Московской консерватории, устроенные в пользу голодающих, — и все свои гонорары за них отдал на хлеб страждущим.

И еще хотя бы два факта: в первые же годы XX века по инициативе Шаляпина и на его деньги в деревне Александровка Нижегородского уезда была построена школа для крестьянских детей, и на ее содержание Шаляпин ежегодно присылал по тысяче рублей; во время первой мировой войны, уже в начале ее, Шаляпин создал и содержал на свои деньги два лазарета (в Москве и Петербурге), где до конца войны лечились раненые солдаты и — нижние чины.

Все это — подчеркиваю — лишь отдельные факты из длиннейшего свитка добрых, благотворительных поступков Шаляпина: он творил материализованное добро (не го-

воря уж о духовном) и в России дореволюционной, и в России послереволюционной, и всю оставшуюся жизнь за границей. Федор Иванович Шаляпин уникален и как гений мирового вокала, и как неповторимая по величию души личность. И мы, нынче, и через полвека с лихим после кончины Шаляпина, даже коллективно встав на цыпочки остатков нашей совести, не достаемся до Шаляпина, до уровня его милосердия. Но именно за него, за глубинное свое милосердие Федор Шаляпин чудовищно тяжело пострадал — ему закрыли дорогу на Родину. Прерву хронологическое изложение событий и уведу читателя на 65 лет назад.

24 августа 1927 года Совнарком РСФСР принял постановление: лишить Ф. И. Шаляпина звания первого Народного артиста Республики. Какое же преступление он совершил?

За три месяца до этого постановления, 31 мая 1927 года, на страницах 20-го номера московского журнала «Всеархив» появилась статья некоего С. Симона: «Я понимаю тонкую, чувствительную душу Народного артиста Республики Ф. И. Шаляпина, пожертвовавшего пять тысяч франков в пользу безработных русских белогвардейцев в Париже... Но я... не понимаю... работников искусств. Почему мы молчим?! Почему нам не заявить, что нет места среди работников искусств, среди людей, носящих почетное звание «Народного артиста Республики», людям-хамелеонам, ренегатам, подобным господину Шаляпину?»

Что же было на самом деле? Федор Иванович увидел однажды около церкви, где служил его духовник и ближайший друг,

вали набега с обысками. «И меня,—вспомнил позже Федор Иванович,— сколько могли, грабили по мандатам и без мандатов, обыскивали и третируют буржуйе... Ночи мои стали глуше, мертвеннее, страшнее... Каждую минуту я притаивал дыхание, чтобы слушать, проехал ли мимо чекистский грузовик или остановился около дома?..» (Знал бы Федор Иванович, что два десятилетия спустя уже миллионы «строителей социализма» в СССР еженощно ожидали рокового резкого звонка в дверь чекистов из НКВД). Но это были еще не самые страшные «привходящие обстоятельства», которые, как вспоминал потом Шаляпин, «день ото дня стали вслухаться перед моими глазами».

Невыносимой, чудовищной явью, вызвавшей у Шаляпина потрясение, какого он не испытывал долгие за свою многотрудную жизнь, стали повальные аресты и расстрелы безвинных людей. Десятилетиями «аггитированные» парткоматей КПСС «ученые-историки» убеждали народ, что массовый «красный террор» начался в России после покушения эсэки Каплан на Ленина 30 августа 1918 года. Это — примитивное извращение истории. Государственный террор против народа начал в России лично глава советской власти и РКП(б) Ульянов-Ленин уже в начале 1918 года, устроив 5 января грандиозную кровавую бойню в Петрограде — расстрел из пулеметов многотысячных демонстраций питерских рабочих в защиту первого в истории России демократического парламента — Учредительного собрания. Такого кровопускания северная столица не знала даже 9 января 1905 года. Залив улицы Питера кровью безоружных ра-

приказу Ленина разогнавший Учредительное собрание.—Т. Е.—, сказал, что для благополучия русского народа можно убить миллион людей... Думаю, что миллион «свободных граждан» у нас убить могут. И больше могут. Почему не убивать?.. Головоное истребление неогласноисланных... старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств... От Ивана Грозного до Николая II этим простым и удобным приемом борьбы с крामीлой свободно и широко пользовались все наши политические вожди — почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема? Он и не отказывается, откровенно заявляя, что не побрезгует ничем для искоренения врагов».

Большевистская печать яростно обрушилась на Горького всей своей пропагандистской мощью. Первым открыто пригрозил Горькому уже 20 декабря 1917 года в «Правде» Иосиф Сталин: «Русская революция ниспровергла немало авторитетов... Мы боимся, что лавры этих столбов не дадут спать Горькому. Мы боимся, что Горького смертельно потянуло к ним в архив». Буквально через десять дней, 30 декабря 1917 года, Ульянов-Ленин, многие годы клявшийся в дружбе Максиму Горькому, дал сигнал открыть по «великому пролетарскому писателю» фронтальный огонь — и рядов не жалеть: газету Горького «Новая жизнь» Ленин объявил «перешедшей на сторону буржуазии». И травля запыхала «во всю ивановскую».

Так «буревестник революции» оказался, очевидно, самым первым внутренним диссидентом при советской власти в России. До «красной черты» преследование писателя дошло осенью 1920 года, когда в петроградской квартире Горького на Кронверкском проспекте по приказу председателя Петроградского совета Зиновьева был произведен... обыск. Впервые со времен царизма жилье Горького обыскивали — уже не жандармы, а славные стражи революции, чекисты!

Не удивительно, а логично и закономерно, что Максим Горький наконец не выдержал он эмигрировал из Советской России. Именно так: эмигрировал в буквальном смысле этого слова, а не лечиться уехал, как десятилетиями ввали народу парткоматей и их литературные «приживалы». Кстати, и тут Владимир Маяковский (как и в случае с Шаляпиным) оказался проворнее всех: он первым публично, в печати, бросил вдогонку Горькому наспех слепопленный каламбур: «Горько думать нам о Горьком-эмигранте».

Расправа над Горьким, генерированная Ульяновым-Лениным, творилась на глазах Федора Шаляпина и вконец ужаснула его: «Это — Горького так! А ведь Алексей Максимович... он же действующее лицо революции. Он вождь. А — я? Я не коммунист, не меньшевик, не социал-революционер... И вот когда так ответишь на вопросы, кто ты,— тебе и скажут (большевики): «А вот потому, что ты ни то, ни се, а черт знает что, то и сиди, сукин сын, на Пресне...» Последним словом Федор Иванович обозначил тюрьму на Красной Пресне. (Кстати, она существует и поныне — как пересыльная). И еще кстати: там в лето Победы, в августе 1945 года, в одной из битком набитых камер с железными «намордниками» на зарешеченных окнах ждал отправки по этапу в сталинско-бериевский концлагерь совершенно не известный тогда миру россиянин, сражавшийся на фронтах Великой Отечественной войны в боевых порядках пехоты бесстрашный офицер-артиллерист Александр Солженицын...

Вскоре после эмиграции Горького, в январе 1922 года, вождь российских коммунистов и председатель Совнаркома Ульянов-Ленин яростно потребовал на Политбюро закрыть Большой театр (и Марининский в Петрограде), принципиально аргументировал: «Большой театр — это кусок чисто помещичьей культуры, и против этого никто спорить не сможет...» И только каким-то чудом нарком просвещения Луначарскому, фигурально выражаясь «бросившемуся под колеса забесившегося локомотива революции», удалось отстоять обе сокровищницы музыкального искусства России, несмотря на то, что Ленин грозил ему партийными карами.

Федор Шаляпин, конечно, не сживал на заседаниях Политбюро, но он кожей, всеми оголенными нервами воспринимал импульсы угрожающей реальности большевизма, о чем позже сказал так: «Я все ясное видел, что никому не нужно то, что я могу делать, что никакого смысла в моей работе нет. По всей линии торжества взгляды... сводившиеся к тому, что кроме пролетариата никто не имеет никаких оснований существовать... И этот дух проникал во все поры жизни... Он убивал и замораживал ум, опустошал сердце и вселял в душу отчаяние».

И, конечно же, Федор Шаляпин был просто сражен событиями, происшедшими через полгода после «истории» с Большим театром. 2 июня 1922 года с первой полосы газеты «Правда» раздался политико-идеологический залп под впечатляющим заголовком: «Диктатура, где твой хлыст?». Недобрым, недостреленным во времена «красного террора» интеллигентам, «хныкающим» и «несоциалистическим», газета в упор рекомендовала — цитирую: «...убрать с черту в тот лагерь содержания, к которому они принадлежат по праву — со всей своей эстетикой и со своей религией».

И Федор Шаляпин наконец не выдержал — через четыре недели после «правдинского хлыста диктатуры» он внял настойчивым советам Горького и уехал за границу. И воярема: не прошло и двух месяцев с его отъезда, как грозный коштунный приказ «Правды» реализовался. 22 августа незаконно административным решением ОГПУ из Советской России были изгнаны 160 «инакомыслящих» интеллигентов. Поворонивший, «беремный» будущими новыми расправами над интеллигентней айт Советской власти: в списке «неуженных и вредных» для нее «несогласноисланных» блистали имена известнейших русских философов и историков, эрудированнейших экономистов, математиков, ученых-медиков, профессоров Московского и Петроградского университетов. Так уже в 1922 году начиналось всеохватное «раскультирование» страны.

Уехал Федор Иванович уже после затихавшей волны первой пирокрой российской эмиграции. Десятилетиями ее диффамировали в СССР целиком как белогвардейскую, вражескую. И лишь в октябре 1989 года в центральной газете оказалось возможным — в интервью нашего известного писателя Вячеслава Кондратьева — услышать публично истинную констатацию: «Люди покидали страну, в которой были уничтожены все нравственные понятия, где террор правил свой кровавый бал, где попорны были все права. Обычные этические мерки неприменимы к тем, кто, спасая жизнь и достоинство, вынужден был бежать из этого ада».

Подчеркиваю: 29 июня 1922 года первый Народный артист Республики Федор Иванович Шаляпин не бежал из России, а с разрешения советской власти отправился за границу на лечение и длительные гастроли. Почему же Шаляпин не вернулся на Родину? И сегодня для большинства россиян это вопрос — загадка. Именно для них, для десятков миллионов россиян, я и создал свой многосерийный радиосериал — полную, незамутненную истинной правдой о Шаляпине, необходимо донести до каждой российской семьи — и в состоянии это сделать лишь радио. А пока она достала лишь до очень малой части 150-миллионного населения России. Ведь еще совсем недавно одна из популярнейших центральных газет выдала своим 20 миллионам читателей такой вот пассаж: «Много лет создавали музей Шаляпина: даже страшно подумать — человеку, который изменил Родине...».

Том ЕМЕЛЬЯНОВ.

◆ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

Правда и ложь о Федоре Шаляпине

образованнейший и благороднейший священник Георгий Спасский, обрванных, грязных, голодных детишек из семей русских эмигрантов. Всю ночь он не мог уснуть и на следующий день утром принес Спасскому пять тысяч франков — целевым назначением на ишневствовавших детишек (кстати, из них, из эмигрантских ребятишек, выросли многие герои французского Сопротивления фашизму). Милосердный священник счел своим долгом публично поблагодарить Шаляпина через парижскую эмигрантскую газету «Возрождение». Вот эту благодарственную публикацию и использовал, извратив смысл шаляпинского благотворительного поступка, этот самый Симон, который оказался не только провокатором, но и аферистом. Под свою лжепатристическую статью против Шаляпина, радостно опаравившую завистников-ненавистников великого артиста в руководстве Всероссийского союза работников искусств (Всеархива), Симон сумел выцыганить в ЦК этого союза крупную сумму денег якобы на ремонт руководимого им представительства в Берлине. Я затем быстро-быстро отбыл за границу, как оказалось... навсегда: иными словами, как уголовник, сбежал из России.

Но детонатор заряда клеветы молниеносно сработал: первичные организации Всеархива и советскую печать захлестнул антишаляпинский шабаш. Провокационную эстафету Симона с готовностью подхватили такие литературные авторитеты, как Владимир Маяковский, Михаил Кольцов, Лемьян Бедный. Доныне одни из тех, кто считает Шаляпина стяжателем, ссылаются прежде всего на Маяковского, который «в компании» с Симоном вознес клевету на Шаляпина по «лесенкам» своих стихов: «Вернись теперь такой артист назад на русские рубрики — я первый крикну: — обратнот кагись, народный артист республики». Причем Маяковский оказался самым проворным из литераторов: 31 мая появилась статья Симона, а уже 2 июня (через день!) «Комсомолка» выдала на своей полосе огромное антишаляпинское стихотворение «лучшего поэта нашей эпохи». Другие вспоминают фельетон Михаила Кольцова в «Правде» (2 июля 1927 г.), где он поведаль непростощенным советским гражданам, что Шаляпин в первые голодные годы после октября 1917-го отрывал у «военных дивизий» и у «больших заводов» и пожирал «возы и грузовики с мукой, крупной и мануфактурой»...

Спрашивается: из каких таких «принципиальных» соображений эти известные люди скоротали, спеша обогнать друг друга, предавали анафеме великого сына русского народа? Или, может, они не ведали, что поднимают на Шаляпина заряженные клеветой перья-пистолеты? Ничего подобного: эти их антишаляпинские публикации представляли собой первые верноподданические печатные доносы, ставшие вскоре в СССР длительной эпидемией.

Федор Иванович Шаляпин с присущим ему достоинством ответил клеветникам: «Что же я после этого перестану быть Шаляпиным или стану антинародным артистом? — Я, который вышел из гущи народной — всегда пел для народа». Он четко определил свою позицию: «Я возмущен не тем, что меня лишили звания... я не слышим тишины... а тем, что мой добрый поступок преподнесли, как государственное преступление». На вопрос одного корреспондента «Не собираетесь ли вы в Россию?» твердо ответил: «Я прежде всего русский. Связи с Россией я никогда не порву. Но поезжайте сейчас, после всей этой гнусной кампании, которую против меня ведут, я не намерен. Я свободный человек, и хочу жить свободно... Моя совесть чиста перед Родиной моей... и перед народом моим».

Злобная антишаляпинская кампания 1927 года трансформировалась в СССР из эпидемии в хроническую клевету на славнейшего сына России, охватив уже и такие фундаментальные издания, как энциклопедии, общие и специальные. Шаляпина клеймили «белогвардейцем», «стяжателем, продавцом Родины за длинный рубль», «мажорным реакционером», «врагом советского народа». Даже в великоленном трехтомнике «Ф. И. Шаляпин» общим объемом в 1.750 страниц, полностью изданном в конце 70-х годов, уже в предисловии читателю был дан «политический камертон»: сможет ли советский народ простить Шаляпину его измену Родине? Немудрено, что полувечное антишаляпинское «промыывание мозгов» советскому народу укоренило в сознании десятков миллионов извращенный донельзя человеческий и политический облик Шаляпина — Человека и Гражданина...

Возвращаясь с читателем в 1922 год — продолжая разговор о том, почему Шаляпин уехал из России. Напомню: Федор Иванович настежь распахнул душу революции. Чем же отблагодарила его советская власть? В конце 1918 года его причислили к «буржуйам» и реквизицировали все его денежные вклады в Азовско-Донскую банке. На каком основании? Великий артист зарабатывал деньги исключительно своим феноменальным даром и «своим горбом», неустанным, поистине «каторжным трудом».

На квартиру Шаляпина чекисты устраи-

бочих, Ленин в ту же ночь (с 5-го на 6 января) в 440 подписав распоряжение о разгоне «Учредилки». А несколько месяцев спустя Ленин уже рассыпал по России телеграммы-приказы такого рода — например, в Пензу: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запретить в концертный лагерь вне города...» (а мы-то, совки, были уверены, что концлагеря изобрели нацисты); или, скажем, в Саратов уполномоченному Наркомпрола Пафкесу: «Совету назначать своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская волюнтаризма...» (Советы — побужды).

Вместе со своим ближайшим и дорогим в то время другом Максимом Горьким Федор Шаляпин безоглядно бросился на помощь безвинным людям, тем более что многих он знал лично. 22 сентября 1918 года он пишет из Петрограда в Москву дочери Ирине: «Все время возжус с разными арестованными, приходится ездить хлопотать то за того, то за другого... Часто бываю у Алексея Максимовича. Если бы ты знала, сколько народа через его просьбы сейчас освобождено от тюрьмы...» Через полтора десятка лет в своей книге «Маска и душа» Шаляпин еще раз засвидетельствует: «В роли заступника за невинно арестовываемых Горький выступал в то время очень часто. Я бы даже сказал, что это было главным смыслом его жизни в первый период большевизма...»

Во время разгала «красного террора» Максим Горький, как никто другой, осознавая уникальную общечеловеческую ценность гения Шаляпина, испытывал непреодолимую тревогу за Федора Ивановича. И когда Шаляпин делился с Горьким тяжкими думами о том, что работать невозможно и жизнь адски тяжела, что покинуть родную страну совестно, что мучается он дено и ночью, и спрашивал: «Алексей Максимович, скажи мне, как брат, что же, ты думаешь, мне теперь делать?», Горький, не колеблясь, отвечал: «Теперь, брат, я думаю, тебе надо отсюда уехать... Уехать из России — тебе тут не место: ты артист, а не политикан...»

Однако Шаляпин не спешил последовать настойчивым советам своего друга. Пожалуй, самым сильным, последним толчком для решения Шаляпина о временном отъезде за границу стали события, захватившиеся вокруг самого Максима Горького, события, завершившиеся тем, что он — единственный в случае чего влиятельный заступник — раньше Шаляпина уехал из России, раньше на целый год, в 1921-м. Почему же?

70 с лишним лет правившая в СССР преступная парткоматей КПСС тщательно скрывала от народа, что великий пролетарский писатель не признал, отверг Октябрь 1917-го, что сразу после переворота он стал одним из самых яростных разоблачителей государственного большевистского террора против народа. Знаменитое письмо Зиновьева и Каменева, «выдавших» дату вооруженного восстания 25 октября 1917, было опубликовано не в какой-то «буржуазной газете» (как нам вбивали в головы со школы), а в «Новой жизни» — газете, основанной Горьким в апреле 1917-го, где он был и главным редактором, и главным публицистом. Чтобы читатель ощутил мощнейшую политическую бранзантность выступлений Горького в его газете, приведу лишь один фрагмент — из статьи 17 января 1918 года: «Недавно матрос Железняков (тот самый, по